

Анастасия Ток

12+

Заноза

Анастасия Ток Заноза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64929852

SelfPub; 2021

Аннотация

Философская притча по мотивам одноименной песни группы "Наутилус Помпилиус". Не попытка раскрыть смысл первоисточника, а создание собственного. С опорой на существующие образы – новые смыслы и истории.

Фантасмагория и символизм. Мальчик с занозой в сердце умирает от раны, размышляя о том, что происходит вокруг него.

Анастасия Ток

Заноза

В истлевшем от времени и ветхости бродячем цирке, где некогда разноцветный и пестрящий лучами прожекторов купол стал тусклым и серым, происходила история, сконцентрированная вокруг прошлого. От долгого путешествия, ставшим жизнью, бродяжничество превратилось в самоцель, смысл, единственный способ существования, тянущегося бесконечными веками. Цирк – это же древнее развлечение. Многие с горечью признаются, что работают в нем ежедневно, с понедельника по пятницу, имея в виду, конечно, совсем иное. Бродячий цирк некогда вобрал, а теперь бережно хранит самые лучшие, удивительные, но кажущиеся теперь простыми и наивными фокусы, что отчаянно хотят зваться чудесами. По пыльной арене из опилок ходило не так-то много фигляров, канатоходцев, дрессировщиков. Но они все по-настоящему любили свое дело. Сейчас здесь остались лишь те, кому либо совершенно все равно до того, что творится в их жизни, предпочитая безвольно плыть по ее течению, либо совершенно отчаявшиеся менять свою поломанную судьбу. С каждым годом в балаган приходило меньше и меньше народу. Казалось, что если хоть один живой человек явится сюда, то внутри циркачей что-то безвозвратно оборвется, сломается, навсегда погибнет. Так балаганчик стал сам для

себя всем. Целостным организмом, который самостоятельно обслуживал себя, не нуждаясь ни в чем, ни в ком извне. Среди обитателей цирка, тихого мирка, жили еще и седые иллюзионисты, существующие, как в полусне. Их полуослепшие глаза совсем не видели реальности. Если им в морщинистые руки попадались газеты, то бумагу использовали, чтобы постелить ее на пол старым цирковым животным с худыми боками, желтыми зубами, колтунами бледного жестокого меха. Еще в балагане были женщины. Они чаще всего просто беззвучно плакали и тоже слепли. Их глаза выцветали вместе с карнавальными костюмами день ото дня.

И среди них был я. Мальчик с занозой в сердце. Это, увы, не сценический псевдоним. Это моя реальность. Устал писать литературно, начну по-простому. Письму, как таковому, меня слепые от горя старики не учили. Они даже не общались со мной толком. Как и друг с другом. Наш качающийся по дорогам фургон напоминал мне время от времени гроб, где заколочено прошлое. Молчание же наводило на мрачные мысли еще больше. Не знаю, что такого должно случиться, чтобы циркачи обмолвились хоть словом... Будто соблюдают святую благоговейную тишину, ревностно храня свой храм чудес. На днях у нас умер канатоходец, в очередной раз репетируя свой номер, шагая по проволочному тросу. Неизвестно, почему он сорвался. Возможно, совсем ослеп, а может, специально прыгнул вниз, потому что устал ждать зрителей... Канатоходца так и похоронили в опилках арены. От-

сюда и после смерти выхода нет. Я сбегал из ненавистного фургона, с отсыревшими стенами и грибками плесени по углам, несколько раз. Попал в город и увидел жизнь. Настоящую! Там малу-помалу обучился у местных, спрашивая то у одного, то у другого о книгах и о грамматике. Чтобы остаться, нужно было избавиться от занозы, вырвать ее с корнем из себя своими же руками. Одно дело ходить с колышком в сердце в цирке, где уродство – достоинство, другое – выделяться из толпы среди обычных горожан. И я вернулся в фургон цирка вместе с занозой. Понял, что не могу без этого места, ставшим неким музеем различных древностей. Меня туда тянет, как в какой бы то ни было дом. Когда я смотрел в окно, мне казалось, что мы едем, перемещаемся на месте и во времени. Но на самом деле фургон всегда стоит.

Что до меня самого, то меня нашли в опилках, когда выкапывали место для скончавшегося глотателя шпаг. Выходит, мальчика с занозой в сердце, нашли уже мертвым. Именно благодаря моему увечью и недостатку меня оставили в цирке на роль скомороха, чтобы я показывал фантомной, несуществующей публике кровоточащие от чужеродного тела сердце. Моя заноза похожа на осиновый кол, уменьшенный в размере, всаженный в вампирскую плоть. Конечно, я бы хотел избавиться от этого. Не раз обращался к людям с просьбой о помощи, но как только их пальцы ухватывались за деревянный колышек, меня разрывала на части еще более жгучая, уничтожающая боль. Словно от меня пытались оторвать ме-

ня самого...

Сейчас за окном идет сильный дождь. Мне так хочется верить, что он, о великий небесный водопад, смоет боль, вымоет занозу – мое проклятье и дар! Но глядя на серые капли – единственное, что пусть шепотом, а всё-таки разговаривает со мной – становится грустно. Я решил: если дождь кончится, то уйду из цирка. Знаю, что мне с занозой недолго осталось жить. Вышел из опилок, но страшно входить в них снова. И уже навсегда... Прожил не так много... Не успел вырасти, остался мальчиком... С занозой в сердце... Потому что в нашем балагане невозможно вырасти! Это ловушка, стальной капкан, делающий из живых людей высушенные мумии. С взывающей мольбой смотрю в окно, держась слабеющими руками за пульсирующее от боли сердце. Наверное, сейчас мои глаза горят особенно ярко, ведь я впервые пробую надеяться... Дождь упрямо стучит по грязному стеклу, становясь все сильнее. Странно поручать свою судьбу стихии, но я ведь никогда не умел принимать решений. Ни заноза, ни фургон не хотят отпускать меня. Боль возрастает, руки и ноги холодеют, глаза затухают. Я знаю, чем все закончится. Я видел это уже много раз. Моя жизнь прошла с не вырванной занозой в сердце. Слышу, как седые фокусники начинают раскапывать опилки на арене... Вижу в них себя. Снова.